артикли в грамматический строй русского языка, а закрепятся лишь где-нибудь в периферийных стилистических слоях (как это случилось с постпозитивной частицей-артиклем *то*). Кроме того, хотя в целом наблюдаемый нами процесс сходен с процессом образования артиклей в других языках (определенный артикль — из указательного местоимения, неопределенный — из числительного *один*), русский язык может «по-своему» распорядиться его дальнейшей судьбой. Уже сейчас можно отметить своеобразное, не присущее другим языкам употребление указательного местоимения *такой* в значении, близком к неопределенному артиклю. В приводимых ниже примерах это слово не выделяет предмет как определенный, а, наоборот, относит его к классу подобных: «И зазвучала вдруг французская шансонетка, т а к о й вальсик...» (Проклятый север); «Это Ночкин... это т а к о й бухгалтерчик...» (Маяковский. Баня); «Государь-император, а рядом с ним, помнится, еще граф Фредерикс стоял, т а к о й, знаете, министр двора» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Образование слов-артиклей не результат влияния других языков, а естественный процесс перехода определенных слов из категории значащих в категорию служебных, естественный потому, что эти значащие слова уже заключают в себе понятия «определенности» или «неопределенности». Фонетически этот процесс выражается в утрате ими логического ударения в предложении, грамматически — в возможности постпозитивного употребления (что также связано с безударностью этих слов), семантически — в ослаблении или утрате их исходных лексических значений. Все эти особенности и дают основание полагать, что в русском языке имеются уже специфические слова с артиклевым значением, образующие систему противопоставлений и служащие для выражения такой абстрактной грамматической категории, как отношение существительного к классу однородных предметов.

В. В. ГУРЕВИЧ,
аспирант МГПИ им. В. И. Ленина

«ОТСТАВНОЙ КОЗЫ БАРАБАНЩИК»

Происхождение этой поговорки, иронизирующей над «бывшим», отставным человеком, не вполне точно объясняется В. Далем в «Толковом словаре», а вслед за ним и М. Михельсоном («Русская мысль и речь»): «Слово это получило начало от обычая (так называемых козырятников), с дудкой и барабаном, наряжаясь козой, водить бесплатно медведя. Иногда козой наряжают мальчика и при нем состоит барабанщик». Сомнительно, чтобы ирония этой поговорки была направлена (даже первоначально) на лиц определенной узкой профессии.

Здесь, по-видимому, содержится намек на святочное ряжение и, более определенно, на известную святочную интермедию «Коза». «Колядование с козой, отбываемое в Белоруссии на новый год и о масленице, упоминается для Малороссии в числе рождественских обычаев: козу делают из дерева, а туловище покрывают шубой; ее поддерживает

скрытый под шубой мужик. Козу водят с музыкой, под звуки которой она пляшет. Белорусская святочная коза — парень в кожухе наизнанку, голова прикрыта незатейливой маской с приставленными коровьими рогами, с ней вместе ходят ряженые..., она пляшет, переминаясь с ноги на ногу, под звуки скрипки и барабана и пения песни: „Ого-го, коза и т. д.“» (А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883. Тексты интермедии, описание колядования и изображение маски козы можно найти в работах: А. Н. Малинка. Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов, 1902; «Киевская старина». Кн. 10, 1898; «Матеріали до етнології й антропології Т. XXI—XXIII, ч. 1. Львів, 1929).

Смысл колядования с козой, как и колядования вообще,— в символическом пожелании счастья и изобилия хозяину дома, где принимают козу. Недаром непременные атрибуты козы — рога и шерсть (вывороченный тулуп) — традиционные символы плодородия. Эти атрибуты могли ассоциироваться и с быком: ряжение диким туром (польские — turzycy, древнерусские — тоурицы).

Какой же смысл вкладывается в выражение *отставная коза?* Тот же самый, что в западноевропейской традиции связывается с осмеянием и свержением короля шутов в финале карнавала. С карнавально-святочной традицией связан, по-видимому, целый ряд русских пословиц. *Шут выворотный* (т. е. в вывороченной шубе), *В красной шапке узнаем дурака,* и, возможно, некоторые другие.

Выражение *Отставной козы барабанщик* построено в соответствии с излюбленным риторическим приемом русских присловий: абсурдный тезис (по сути дела сравнение), содержащийся в первой части, усиливается, окончательно утверждается во второй — необходимой более из стилистических соображений. Ср. такие пословицы, как *После драки* (основной тезис «дело кончено») *кулаками не машут* (усиление), *После ужина* (основной тезис) *горчица* (усиление) или выражение *Барской курице* (а не барину — основной тезис) *племянник* (усиление). Возможность двойного членения усиливает юмористическую сторону высказывания, маскируя иронию.

Синтаксическое членение по схеме: «отставной (козы барабанщик)» не только потенциально возможно, но в настоящее время и единственно реально. Возникновение этой связи может быть истолковано только в исторической перспективе. Скорее всего здесь мы имеем дело с влиянием канцелярского стиля конца XVIII— начала XIX века, где нередки были выражения типа *Оставной гвардии поручик* («отголоски» его сохранились и в современном уставном языке, ср. гвардии лейтенант — воинское звание).

Зафиксированное у Даля значение подсказывает определенное синтаксическое членение этого выражения. Поэтому на первый взгляд можно было бы сделать вывод, что эпитет *отставной* относится к кому-то, названному довольно странно: «козы барабанщик». Сопоставление с другими поговорками, имеющими сходное значение, как будто тоже подсказывает такое членение: ведь там будут и двоюродный плетень забору — *Нашему забору двоюродный плетень* и племянник курицы — *Барской курицы племянник* и другие нарочито нелепые наименования. Однако исходное членение рассматриваемой поговорки вряд ли соответствовало схеме «отставной (козы барабанщик)». Иными словами, родительный падеж (если бы надо было его употребить) звучал бы не «отставного козы барабанщика», как это следует из приведенного рассуждения, а «отставной козы барабанщика», то есть соответствовало бы схеме «(отставной козы) барабанщик». Вопрос лишь в том, что же такое «отставная коза»? Но этот вопрос нами уже решен.

Таким образом, в связи с забвением обряда первоначальная семантика выражения *Отставной козы барабанщик* была утрачена. Сохранился слабый намек на первоначальный смысл — намек на резкое изменение социального статуса лица. В более позднюю эпоху это значение было вновь конкретизировано в духе новых бюрократических понятий

М. В. АРАПОВ